

От Парижа до Сибири

О нем писали до меня. И, наверное, не раз. Читал, по крайней мере, хорошо сделанную статью в “Alma mater” (послеперестроечное название университетской многотиражки “За советскую науку”).

Грех было пройти мимо и известному томскому писателю Вадиму Макшееву, который мог знать С. Г. Шифриса еще по Красноярске, где начиналась сибирская жизнь последнего и где примерно в те же годы уже работал счетоводом В. Макшеев.

Но во всем этом у меня есть свой интерес. Возник он давно, более пятидесяти лет назад.

1947 год. Совсем недавно отстроенная новая школа. Стоит буквой “Г”. Во двор ее въезжает водовозка. Обычная. Деревянная бочка, прикрепленная боковиной к саням. Вся обросшая льдом. Из-под крышки торчит деревянная ручка черпака. Мороз крепкий. Мое внимание почему-то привлек водовоз. Высокий. Худой. Шапка с повязанными под подбородком ушами. Что-то в его движениях не увязывалось с привычным. Быть может, стягивал супонь или подтягивал чересседельник лошади не как это делали наши мужики.

Летом того же года я уехал далеко от Нового Васюгана и вернулся сюда в 1953 году. Опять на один только год. И вновь встретил запомнившегося водовоза. Я был много взрослее, и во мне появлялось уже осознанное любопытство. Узнал: фамилия Шифрис. Из ссыльных. Бог мой, да кто же здесь не ссыльный? Разве что кержаки, из которых был я сам. Врачевала меня в детстве Мильда Яновна родом, скорее, из Прибалтики. Спасала от смерти, отдавая на переливание свою кровь, медсестра-эстонка. Школьные мои товарищи — немцы, евреи, латыши, литовцы, турки-месхетинцы. Но больше всего было спецпереселенцев с Алтая и бежавших от коллективизации крестьян из соседних районов Омской области. А вот что он побывал во Франции, было новое и даже интригующее. Как это так: Новый Васюган — и Франция!

Наконец, третья, на сей раз заочная встреча. Я — студент Томского университета (тогда был только один университет — классический). В многотиражке, которую я уже упоминал, в областных газетах стали появляться заметки о встречах любителей камерной музыки, подписанные преподавателем кафедры иностранных языков университета С. Г. Шифрисом. А не тот ли это Шифрис? Последнюю точку удалось мне поставить еще через много лет. Помогли в этом дети Соло Германовича, родившиеся в том же Новом Васюгане, Нора и Геннадий.

Самого Соло Германовича уже нет. Он умер в апреле 2001 года в возрасте 88 лет. Однако оставил воспоминания, записанные и хранящиеся в центре документации новейшей истории Томской области, которыми и я намерен воспользоваться в своем рассказе.

ГРАЖДАНСТВО ПОНЕВОЛЕ

Интересно, что, родившись в г. Черновцы и оставаясь жителем этого города, Соло Германович был поочередно гражданином трех государств: сначала Австро-Венгрии, с 1918 года — Румынии и с 1940 — Советского Союза. До этой последней даты жизнь шла как бы по запрограммированному пути. Благополучная семья, отец — известный в округе специалист по скорняцкому делу, владелец меховой мастерской.

Соло был единственным сыном, и родители постарались дать ему приличное образование. Сначала это была гуманитарная гимназия с преобладающим изучением иностранных языков. Затем Франция, где проживали многие родственники и где в 1931 году Соло поступил учиться в университет г. Нанси. Близость к Парижу (4 часа езды) позволяла молодому студенту, специализирующемуся по экономике и юриспруденции, посещать лекции во всемирно известном Сорбоннском университете. Через четыре года состоялась защита диссертации и присвоение ученой степени доктора наук. С заметной гордостью Соло Германович вспоминает слова, сказанные о нем председателем ученого совета: “Я рад был сегодня услышать, что иностранец говорит по-французски не хуже любого француза”.

Всего-то Соло Германович знал восемь языков. Языком повседневного общения был немецкий, позднее, наверное, и русский. Для практики один день в неделю они разговаривали с женой только по-французски. Другими языками, по отдельным

упоминаниям, по-видимому, были румынский, английский, греческий и, возможно, итальянский или венгерский. И, конечно, латынь. Язык мертвый, но обязательный для гимназии и позднее весьма полезный для преподавательской работы.

А вот дети в лингвистике не пошли по стопам родителя. Однако все трое получили университетское образование, защитили кандидатские диссертации, но... в области естественных наук: Геннадий и Беатрис — по химии, а Нора — по биологии.

Когда я спросил Нору Соловну, разговаривала ли она в детстве по-немецки, то совсем неожиданно получил ответ: «Нет». Хотя речь родителей понимала отлично и даже мыслила на немецком языке, равно как и на русском. По-видимому, влияние окружения оказалось сильнее влияния семьи. А может, просто не хотела чем-то выделяться из среды сверстников. Как и Геннадий. Кстати, его хотели сначала назвать Германом в честь деда. Но, как позднее объясняла ему мама, имя было созвучно Германии. Побоялись, и, пожалуй, это было разумно. Только что закончилась война. И все, что связывалось тогда с Германией, вызывало неприязнь, презрение, а то и ненависть простых людей. У пацанов тем более. Неправильно, несправедливо? Но так было.

Свои воспоминания С. Г. Шифрис назвал «Трагедия моей жизни». Очевидно, что так воспринимал он именно васюганский ее период. Резкий переход от благополучия к нужде. От бархатного климата своей родины — к суровой сибирской природе с бесконечными болотами и комариным роем, от труда привычного — к труду физическому, порой непосильному и принудительному. От свободы передвижения — к комендантской закрепощенности. Не надо думать, что образ жизни Соло Германовича, его близких как-то резко отличался от быта старожилов. Просто те были более защищены предшествующим опытом, навыками выживания, физической закалкой. Для них это была уже обычная жизнь.

Была бы судьба более благосклонной к Соло Германовичу, не окажись он в Сибири? Возможно. Но нельзя исключить и другого. Ведь по ту сторону фронта были и гетто, и концентрационные лагеря, в которых, как об этом пишет он сам, погибли оказавшиеся в оккупации многие из его родственников.

Так, может, Сибирь — это благо? Горькое, трудное, но благо. А впрочем, историзм в жизни отдельного человека не очень уместен. Каждый проживает ее по-своему, и такую, которая выпала. Так передадим слово самому Соло Германовичу, ибо это его судьба и ему о ней судить и ее оценивать.

НА ЛЕСОПОВАЛЕ

(из записей С. Г. Шифриса)

В 1940 году северную часть Буковины присоединили к СССР, и Черновцы оказались на советской территории. Отец на базе своей мастерской организовал кооператив "Стахановец". Но однажды ночью, это было 13 июня 1941 года, в дом постучали военные люди с револьверами. И к родителям:

— Хватит спать. Собирайтесь в долгий путь!

Спрашиваю:

— Куда?

— Куда надо.

— Можно я буду сопровождать своих родителей?

— Пиши заявление.

Я написал заявление, что хочу проводить своих родителей. Взял свой спортивный рюкзак с вещами и диплом с диссертацией. Диплом и диссертацию сразу же отобрали.

— Там, куда вас направляют, выдадут другой диплом и другую диссертацию.

Тогда я не понял, что это значит.

И вот в вагоне, в котором обычно перевозили животных, повезли нас в Сибирь. Здесь мы узнали о начале войны. В этом же вагоне я познакомился с будущей своей женой. Она ехала в ссылку с мужем — Игнацем Трихтером.

В Томске нас пересадили на баржу и после нескольких мучительных дней пути высадили в таежном урмане у деревни Красноярка Тевризского сельсовета, ныне Каргасокского района. Там уже было несколько домов переселенцев, высланных в 1931–1937 годы.

Чтобы как-то выживать, надо было идти на раскорчевку леса. За работу при выполнении нормы выдавали по 400 граммов хлеба и по 200 г для больных членов семьи. А я до этого и пилу в глаза не видел, и топор в руках не держал. Но пришлось трудиться. Жизнь была очень суровой. Родители уже в возрасте, больные. У отца был сахарный диабет, и физически он много работать не мог. Перекладывал печи, в том числе переложил печку в конторе правления колхоза (колхоз назывался “Заря”, и председателем его был Арсентий Васильевич Рыженков. Он сам из переселенцев 1931–1937 годов и к нам относился с сочувствием). Отец частенько ходил в соседнюю деревню Малую Муромку, чтобы обменять, например, прекрасный костюм на два ведра картошки. Сильно обирали спецпереселенцев, пользуясь нашим бесправным положением.

Из 81 человека, высаженных в 1941 году на берегу Васюгана, через год осталось в живых только 40. Остальные умерли от голода, нищеты. В том числе и мой отец. Он умер в ноябре 1942 года. Накануне вечером, а мы тогда еще жили в разваленной школе, где в одном из классов разместилось 12 семей, он рассказывал о своей жизни. А утром не встал. Мама спрашивает: “Герман, почему не встаешь?” Он был уже мертв. От его могилы и следа не осталось: кладбище позже запахали под поле. Умер в 1943 году и муж Мины. Мы с ним вместе пилили в лесу дрова. Он питался очень плохо. Мина пекла ему лепешки с пестиком (весенний полевой хвощ. — **О. Л.**) и крапивой. А однажды он поел в лесу каких-то ядовитых ягод. Говорит мне: “Дай отдохнуть, я немного посплю”. Сел под дерево и заснул навсегда. Я побежал в деревню. Председатель колхоза дал нам вместо лошади носилки для мусора. На них мы и несли покойника. Голова и ноги висели в воздухе. Досок на гроб тоже не дали, опустили покойного в могилу без гроба, только сверху положили доски, засыпали землей. Сверху поставили доску с надписью. Мать Игнаца рассчиталась с мужиками пачкой махорки.

Мина с матерью Игнаца остались вдвоем. Жили они на квартире, спали на полу возле теленка (новорожденных телят в зимнее время держали в избе.— **О. Л.**). Мина в те годы много работала: и кедровые шишки в тайге с бригадой била, и сено косила.

Вернувшийся с войны сын хозяйки потребовал освободить квартиру. Моя мать предложила Мине и ее свекрови поселиться в нашей маленькой избушке, которую я к тому времени сумел купить за 400 рублей.

Мне было уже 32 года, и я не был женат. Помню, однажды при уборке урожая картофеля я спросил Мину: "Хочешь, чтобы этот картофель был наш общий?" Она поняла меня, но ответа не дала. Я любил ее и долго уговаривал стать моей женой. Только через год она согласилась. Но поставила условие, чтобы мать ее прежнего мужа жила с нами, и я бы относился к ней, как к родной. Расписывались в сельсовете Тевриза. Это было в марте 1945 года.

Через год жене пришла пора рожать нашего первенца. Больницы в Красноярске, конечно, не было. Ближайшая была в Новом Васюгане, тогдашнем районном центре. Это в 200 километрах. Для выезда туда надо было получить разрешение коменданта. После того, как я подарил ему серебряную ручку, разрешение было получено. Сложили мы на салазки самые необходимые вещи — и в путь-дорогу через зимнюю тайгу. Можете представить, как беременной женщине на последнем месяце пройти такое расстояние. Я тоже был не ходок: страдал воспалением седалищного нерва. Но деваться было некуда, мы шли и шли. Через несколько дней добрались до Нового Васюгана. Остановились у знакомых земляков.

А еще через несколько дней устроил жену в больницу.

Родился у нас сын. Продав последние вещи, я купил в Новом Васюгане избушку с огородом. Жену с сыном забрал из больницы уже в свой дом. После открытия навигации перебрались к нам и обе матери.

Трудности и унижения продолжали нас преследовать. Ребенку нужна была манная каша. Чтобы выписать несколько граммов крупы, надо было кланяться председателю сельпо. За молоком надо было ходить за три километра в одну сторону. А однажды хозяйка отказалась продавать его за деньги. И предложила покосить сено для коровы. Покос был на другой стороне реки Васюган, и переправиться туда можно было только на обласке, с которым мы не умели обращаться. Рискую перевернуться, все-таки перебрались через речку.

Насчет работы я обратился в местную школу с предложением преподавать иностранные языки. Меня послали в районо. Там же ответили, что меня никак нельзя использовать в этом качестве. И вот я, доктор наук со знанием восьми языков, возил для школы воду, заготавливал дрова, делал другую черную работу, был лесником, счетоводом. Мина ухаживала за детьми, подрабатывала шитьем. Она была замечательным и очень образованным человеком, знала пять языков.

Основной заботой были малые дети. В складчину с другой семьей купили корову. Надо было косить сено, а участок нам выделили для этого на болоте. 15 километров туда, 15 — обратно. По дороге — медвежьи следы. Однажды Мина оступилась между кочек и провалилась в болото. Кое-как вытащил ее с помощью грабель.

Уже при Горбачеве я дважды побывал в Париже. Родственники просили меня рассказать об этой жизни, но я воздерживался. А Алену Шифрису, крупному французскому журналисту и писателю, даже запретил писать об этом. Жив был еще перенесенный страх, да и боялся за детей: сегодня Горбачев, а завтра кто?

В 1956 году после разоблачения культа личности нас открепили от комендатуры. Положение немного улучшилось, люди уже относились к нам с уважением. Меня наконец пригласили на учительскую работу. Сначала работал учителем немецкого языка и черчения в айполовской школе. Это в 20 километрах от Нового Васюгана. В понедельник утром уходил пешком в Айполово, в субботу возвращался. Зарплата была небольшая, поэтому подрабатывал еще воспитателем в интернате для детей народов Севера. В 1957 году меня перевели в нововасюганскую среднюю школу.

Дети подрастали, и у меня была постоянная забота о том, чтобы дать им хорошее образование. Я начал думать, как бы перебраться в Томск. Стал проситься, чтобы меня направили на курсы повышения квалификации. Это был "ход конем". И вот в 1958 году я окончил месячные курсы в институте повышения квалификации учителей. Преподаватели удивлялись, зачем я приехал с таким знанием языков. В институте были заинтересованы, чтобы я остался в Томске, но могли предложить только очень маленькую ставку — из расчета 8 часов. Попытка обратиться в облоно не удалась: отказали. Поезжайте обратно в Новый Васюган. Директор института успокаивает: "Не расстраивайтесь, что-нибудь придумаем". А через три дня говорит: "Идите в университет, там вас ждут. Будете преподавать французский язык". В университете приняли хорошо. Извинились, что не могут назначить доцентом — нужно было защитить диссертацию на русском языке, которым я владел тогда еще недостаточно хорошо.

И ВСЕ, ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ

Вот, пожалуй, и все. Как в воспоминаниях самого Соло Германовича, из пяти страниц текста три с половиной посвящены васюганскому периоду жизни. Так всегда: самое трудное в конце концов становится самым значительным в жизни, самым запоминаемым. Как в том анекдоте, когда молчавший с рождения мальчик вдруг за завтраком, отодвигая кашу, произносит:

— Подгорела!

— Как, ты разговариваешь? Почему же раньше молчал?

— Раньше все нормально было.

Для семьи Шифрисов началась нормальная жизнь. Соло Германович проработал в университете более сорока лет. Любил свое дело, его уважали. Более молодые коллеги вспоминают: умел хорошо одеться, был элегантен, внимателен к женщинам. И любил свою жену Мину Ноиховну, которая в его жизни, да и, по признанию детей, в жизни всей семьи, занимала совершенно особое место. Образованная, интеллигентная, она сумела быстрее адаптироваться в новых условиях, быстрее осваивала навыки тяжелого труда. Ну, а силой духа, стойкостью, как и любая женщина, она, конечно же, превосходила своих мужчин.

И еще одна важная для Соло Германовича страничка его биографии. В отличие от Мины Ноиховны, он не владел музыкальными инструментами. Но музыку понимал и любил. В 1973 году вместе с томским виолончелистом В. В. Максимовым он организовал при Доме ученых клуб любителей камерной музыки и долгие годы был его президентом. Говорят, и сейчас каждое заседание клуба начинается минутой памяти о Соло Германовиче. И это очень трогает его детей.

Мы разговариваем с сыном Соло Германовича. В недавнем прошлом он заведовал химической лабораторией университета, теперь — генеральный директор образованного из нее общества с ограниченной ответственностью.

— Геннадий Солович, конечно, у родителей накопилось обиды на власть, на людей. Это как-то обсуждалось в семье?

— Наверное, что-то такое было. Но родители не воспитали в нас антисоветизма, неуважения к власти. Когда умер Сталин, мама даже плакала вместе с другими женщинами. Понимали, видимо, так, что все происшедшее с ними было ошибкой и совершалось по воле отдельных людей, но не правительства, не Сталина. Как и все мои сверстники, я гордился, когда мне перед строем повязали красный галстук. В армии был секретарем комсомольской организации.

После переезда в Томск в Новом Васюгане побывал однажды — с бригадой художественной самодеятельности. Меня узнавали: "Ты что же, артистом стал?"

Вообще, Новый Васюган вспоминается теперь мне какой-то особой атмосферой интеллигентности, интеллекта — как хотите. И интернационализмом. Самые теплые воспоминания об украинце Петько дяде Ефиме, который привил мне интерес к столярному инструменту, плотницкому делу.

— А еще, мне кажется, эти васюганские болота как-то благотворно сказываются на долгожительстве. Мои родители чуть-чуть не дожили до 90 лет.

Ну что ж, дай-то Бог. Как говорится, на здоровье!

О. ЛАЗАРЕВ.

Фото из семейного архива Шифрисов.